

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643>
EDN: ILYLNF

УДК 94(574) +94(57)

СИБИРСКОЕ И БУХАРСКОЕ ХАНСТВА В МАТЕРИАЛАХ КАЗАХСКО-РУССКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1595 ГОДА

Н.С. Лапин

*Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан
lapin.79@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: на основе документальных материалов казахско-русских посольств 1590-х годов, рассмотреть какое место в двусторонних отношениях занимали вопросы, связанные с Сибирским и Бухарским ханствами.

Материалы исследования: в исследовании привлечены архивные и опубликованные материалы взаимных казахских и русских посольств, которые отложились в РГАДА в фонде № 122 «Киргиз-кайсацкие дела». Как показывает история изучения казахско-русских связей в конце XVI столетия в историографии большинство оценок, мнений и выводов были сделаны на основе опубликованного еще в 1961 году сборника документов, в котором были представлены некоторые материалы посольств 1594-1595 годов. Документы из данного сборника в части связанной с казахско-русскими посольствами довольно часто переиздавались, при этом не учитывалось что публикация 1961 года содержала некоторые неточности и ошибки.

Результаты и научная новизна исследования: документальные материалы взаимных посольств Казахского ханства и Русского государства позволяют ясно понять внешнеполитические приоритеты каждого из них и объясняют, роль и место в двусторонних отношениях, которое занимали Сибирское государство во главе с ханом Кучумом и Бухарское ханство во главе с Абдаллахом II. Для казахского хана Таваккула который инициировал посольские контакты с Русским царством главной целью стало получение военной помощи царя для борьбы с Бухарой. При этом вопрос об «освобождении» ханского племянника Ураз-Мухаммеда был не основным как это часто считается в историографии. Для русского правительства актуальным вопросом в восточном направлении внешней политики оставалось противостояние Кучуму, в связи с чем Москва увязывала помощь Казахскому ханству против Бухары с ответной помощью казахов против сибирского правителя.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Бухарское ханство, Казахское ханство, Русское царство, Шибаниды, посольство, переговоры, Ураз-Мухаммед, внешняя политика

Для цитирования: Лапин Н.С. Сибирское и Бухарское ханства в материалах казахско-русских переговоров 1595 года // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 619–643. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643> EDN: ILYLNF

© Лапин Н.С., 2024



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR21882223; грант № AP09258941).

**SIBERIAN AND BUKHARA KHANATES
IN THE MATERIALS OF THE KAZAKH-RUSSIAN
NEGOTIATIONS OF 1595**

N.S. Lapin

*Research Institute for Jochi Ullus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan
lapin.79@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To consider, on the basis of documentary materials of the Kazakh-Russian embassies in the 1590s, what place in bilateral relations took the issues related to Siberian and Bukhara khanate.

Research materials: Materials of research: Archival and published materials of mutual Kazakh and Russian embassies, which were deposited in the Russian State Archive of the Russian Federation in the fund № 122, "Kirghiz-Kaisat affairs", were used for the study.

Results and novelty of the research: The study of the content of the documents of the Kazakh-Russian embassies quite clearly shows the priorities of each party and explains what place in the bilateral relations occupied the Bukhara Khanate headed by Abdallah II and the Siberian state headed by Kuchum. For the Kazakh khan, Tavakkul, who initiated ambassadorial contacts with the Russian kingdom, the main goal was to obtain military assistance from the tsar to fight against Bukhara. At the same time, the issue of "liberation" of the khan's nephew, Uraz-Muhammed, was not the main one as it is often considered in historiography. For the Russian government, the pressing issue in the eastern direction of foreign policy remained the opposition to Kuchum, in which connection Moscow linked assistance to the Kazakh khanate against Bukhara with reciprocal assistance by the Kazakhs against the Siberian ruler.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Tsardom, Bukhara Khanate, Siberian Khanate, Shibaniids, embassy, negotiations, Uraz-Muhammad, foreign policy

For citation: Lapin N.S. Siberian and Bukhara khanates in the materials of the Kazakh-Russian negotiations of 1595. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 619–643. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643> (In Russian)

Financial Support: This research was funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR21882223; Grant No. AP09258941).

Последнее десятилетие XVI столетия насыщенный событиями этап в истории Казахского ханства, включающий ряд событий, связанных с активизацией внешней политики, затронувшей отношения с соседними государствами. Укрепившийся в это время на казахском престоле хан Таваккул (ок. 1594–1598) стал проводить более активную политику в первую очередь в отношении Бухарского ханства. Это было по-видимому наиболее актуальное направление, однако далеко не единственное. Именно в годы правления Таваккул-хана актуализируются

дипломатические контакты Казахского ханства с Русскими государством. Хотя отдельные связи двух государств фиксируются и в более ранний период, однако состояние источниковой базы не позволяет детально их изучать. Однако, как раз посольские связи по времени охватывающие середину 1590-х годов более обеспечены источниками. Изучение документов этих посольств, их целей, содержания и хода переговоров позволяют кроме собственно казахско-русских отношений хотя бы отчасти прояснить детали, связанные с некоторыми другими государствами. В частности, можно показать место Сибирского ханства, которое оно занимал в двусторонних переговорах и более четко понять характер отношений Казахского ханства с Бухарой.

Здесь следует сказать об особенностях, которая объединяла эти государства, а именно факт принадлежности их правителей к одной родственной династии – Шибанидов, хотя и к разным ее ветвям. Общность происхождения создавала условия для их более тесных связей, что потенциально затрагивало интересы Казахского ханства, находившегося в условном окружении между Бухарским ханством и владениями Кучума. Непростые отношения Таваккул-хана с Бухарой, которые достигли острого противостояния в конце 1590-х гг. заставляли его учитывать и этот фактор.

Это особенность которая потенциально создавала условия для «шибанидского альянса»¹, требовала от Таваккул-хана усилий по поиску возможных союзников с целью противостояния этому возможному объединению. Посольские документы явно показывают, что для казахского хана таким союзником могло стать Русское государство, чьи внешнеполитические интересы в то время распространялись в восточном направлении в Сибири.

В статье на основе материалов казахско-русских посольств середины 90-х гг. XVI века, анализируются сведения о Сибирском и Бухарском ханствах. Непосредственно будет показано какое место занимали эти государства в ходе двусторонних контактов Казахского ханства и Русского государства.

Материалы казахско-русских посольств конца XVI века известны исследователям и привлекались ими, например, для рассмотрения некоторых аспектов истории Казахского ханства и конечно в связи с историей казахско-русских отношений. Вместе с тем стоит все же подчеркнуть, что использование этих документов в историографии носит в целом ограниченный характер. При этом есть все основания полагать, что эти материалы как исторические источники гораздо более информативны и позволяют рассматривать более широкий круг вопросов.

При обращении к материалам посольств внимание исследователей чаще всего привлекали сведения, сообщенные казахским послом Кул-Мухаммеда относительно внешнеполитической ситуации в котором находилось Казахское ханство, его отношениям с соседями. Казахский посол достаточно ярко, хотя и кратко охарактеризовал отношения с бухарским правителем и ногаями – «з бухарским царем тепере в миру на время, да и с Ногаи со Шти Браты в миру, а с Тенехматовыми детьми да с Урусовыми ни так, ни сяк»². Этот весьма «популярный», фрагмент довольно часто цитировался в разных работах [46, с. 468, 578; 4, с. 228; 5, с. 100; 15, с. 403, 435].

В историографии использовались и некоторые другие данные из посольских документов, при этом стоит обратить внимание, что гораздо чаще уделялось

¹ Собственно, бухарско-сибирские отношения, как раз в то время, рассмотрены в интересной работе А.В. Белякова и Д.Н. Маслюженко [см.: 9].

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 8.

внимание отношениям Казахского ханства с Русским государством, а также с правителями ногаев. Однако для освещения вопросов, связанных с Сибирским или Бухарским ханствами этот массив источников, привлекался заметно реже. Стоит отметить лишь работы Е.А. Рябиной, где привлекались материалы казахско-русских переговоров для описания характера взаимоотношений Такаккулл-хана с бухарским ханом Абдаллахом II (1583–1598) [34, с. 93; 35, с. 267]. Однако в целом можно констатировать что на роль, место и значение Сибирского или Бухарского ханств в ходе казахско-русских переговоров в середине 1590-х годов фактически мало обращалось внимания.

Это актуализирует внимание к сохранившимся материалам взаимных посольств Казахского ханства и Русского государства в конце XVI века, как источнику, содержащему различные исторические факты, связанные не только непосредственно с казахско-русскими отношениями. Эти материалы позволяют точнее представить и понять некоторые аспекты внешней политики, показать роль сибирского и бухарского факторов в двусторонних отношениях Казахского ханства и Русского государства.

Материалы. Важным условием исследования вопроса является факт сохранности части посольских документов (запись бесед, царские грамоты, челобитная и др.) что создает базу и позволяет решать хотя бы отчасти поставленные вопросы. Это особенно контрастирует с ситуацией по наличию и сохранности документов по истории казахско-русских взаимоотношений для более раннего и последующего времени.

Стоит упомянуть что отдельные материалы казахско-русских посольств стали упоминаться в исторической литературе в начале XIX века [21].

Собрание источников по истории казахско-русских посольских связей в самом конце XVI столетия, в которых имеются сведения так или иначе связанные с Сибирским и Бухарским ханствами и их места в событиях в Средней Азии и Западной Сибири хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Весь массив используемых материалов посольств отложился в фонде № 122 «Киргиз-кайсацкие дела» РГАДА и составляют часть фондов бывших Посольского приказа и Посольской канцелярии³. Отметим что ряд копий этих документов (выписки, микрофильмы) имеются в двух казахстанских архивах. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан в фонде № 2300 «Коллекции копий документов по истории Казахстана, поступивших из зарубежных архивов» хранятся микрофильмированные копии, сделанные, судя по всему, в начале 2000-х годов⁴. Кроме того, в Научном архиве «Ғылым ордасы» (бывший Архив АН Каз ССР) в фонде № 11 «Институт истории и этнологии» хранятся выписки, из документов посольства, сделанные в 1950-е гг. сотрудником Института истории и этнографии АН КазССР Наталией Геннадиевной Аполловой⁵.

Чаще всего в работах в которых обращалось внимание на казахско-русские посольства или использовались их материалы исследователи обращались к документальным публикациям сделанным в разные годы. К сегодняшнему дню известно около десяти различного рода публикаций (отдельных документов или фрагментов) материалов, связанных с посольствами [27, с. 291–296; 18, с. 3–14;

³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2; РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1.

⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 2300. Оп. 10. Д. 72, 73, 75.

⁵ Научный архив «Ғылым ордасы» (НА ГО). Ф. 11. Оп. 4. Д. 156. Л. 1–17.

48, с. 733–735; 33, с. 354–361; 16, с. 77–78; 17, с. 191–211; 2, с. 132–141; 3, с. 174–181; 14, с. 213–231].

Однако из всего этого количества публикаций наиболее значимыми следует признать их первые издания, особенно 1932 и 1961 годов [27, с. 291–296; 18, с. 3–14; 48, с. 733–735]. Все же остальные, в том числе публикуемые в последние годы являются их полной, либо частичной перепечаткой, чаще всего из сборника 1961 года.

Как показал обзор этих изданий, даже в тех случаях, когда издатели не указывали на то, что документы были опубликованы ранее и ссылались на архивохранилище, по целому ряду признаков, бесспорно видно, что документы были только перепечатаны из ранних сборников и не сверялись с архивными материалами.

В данной работе был использован сохранившийся массив архивных источников, хранящийся в РГАДА, копии из ЦГА РК и выписки из НА ГО и их публикации. Сравнение источников по истории посольств показало, что в ходе их публикации издателями были допущены некоторые неточности и даже ошибки, которые в отдельных местах имели не только текстовое, но и смысловое искажение. Это в свою очередь привело к тому что в некоторых случаях авторы, обращавшиеся к этим материалам, допускали неточности, например, в датировках или при описании отдельных аспектов. Тем не менее стоит подчеркнуть и важность именно опубликованных в прошлом веке материалов, благодаря которым сохранились некоторые фрагменты документов ныне сейчас утерянные или практически нечитаемые.

Известные на сегодняшний день документы позволяют в целом довольно четко очертить контуры казахско-русских посольств середины 1590-х годов, и обозначить то место, которое занимали в ходе состоявшихся переговоров Сибирское ханство Кучума и Бухарское ханство Абдаллаха II.

Казахско-русские посольства 1594–1595 гг.

Середина 1590-х гг. стала временем оживления официальных двусторонних контактов Казахского ханства и Русского государства. В это время известно сразу о нескольких посольских сюжетах. Известно о двух казахских посольства в Москву, во главе с Кул-Мухаммедом. Также данные сохранились о русском посольстве Вильямина Степанова в ставку Таваккул-хана и есть краткое упоминание о миссии Исенчюры Байкешева также направленной к казахскому хану. Больше всего данных сохранилось о событиях, связанных с первым посольством Кул-Мухаммеда и миссией Степанова. Хотя данные посольства охватили небольшой промежуток времени, в основном указанные события состоялись в 1594–1595 годах, тем не менее их факт свидетельствует о важном этапе в истории казахско-русских отношений в ранний период.

Факт казахско-русских посольств конца XVI столетия в историографии известен довольно давно, первые упоминания о них есть еще у М.Н. Карамзина и А.И. Левшина [см.: 21]. Позднее предпринимались попытки изучать эти события, однако до сих пор фактически это не удалось и все еще нет работы, в которой бы события того времени были систематизированы и осмыслены на основе всего массива источников. Поэтому остаются неясными или спорными многие аспекты посольств, начиная от датировок и заканчивая собственно содержанием и результатами переговоров, целей сторон и ряд других вопросов. По этой причине ниже обозначим хотя бы основные моменты, связанные с этими посольствами.

Одним из спорных моментов в историографии остается вопрос о времени прибытия первого казахского посольства. Довольно часто в исторической лите-

ратуре это событие датируют уже январем 1594 года, когда якобы произошла встреча прибывшего в Москву казахского посла Кул-Мухаммеда и царевича Ураз-Мухаммеда [2, с. 132–136; 3, с. 111–112; 29, с. 12; 13, с. 36; 44, с. 400; 5, 100]. Судя по ссылкам и цитатам эта датировка основана на материалах посольства опубликованных в сборнике «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» в 1961 году или более поздних перепечатках из него. Однако следует отметить что издатели сборника допустили неточность уверено датировав эту встречу началом 1594 года. Эта неточность вероятнее всего была основана на ошибочной датировке челобитной Ураз-Мухаммеда составление которой издатели не совсем обосновано отнесли к более раннему времени [см.: 18, с. 3]. В общем, исследователи, которые обращались к материалам посольств, опубликованных в 1961 году либо к поздним переизданиям из этого сборника, были таким образом дезинформированы и приводили заведомо не верную дату начала казахской миссии.

Между тем архивные документы позволяют относительно точно представить хронологические рамки первого казахского посольства в Россию во главе с Кул-Мухаммедом. Мы знаем что уже в январе 1595 года⁶ состоялось несколько встреч казахского посла с царевичем Ураз-Мухаммедом исходя из чего можно заключить что казахское посольство прибыло в Москву в конце 1594 или в самом начале следующего года.

Завершение же казахской посольской миссии должно быть отнесено к весне 1595 года (не позднее апреля), когда казахские послы вместе с русским посольством во главе с Вельямином Степановым, по царскому повелению покинули русскую столицу⁷.

Главой казахской миссии, прибывшей в Москву, был Кул-Мухаммед. Стоит обратить внимание на то что, не смотря на в целом уже продолжительную историю двусторонних отношений Казахского ханства и Русского государства чье начало следует отнести к самым первым десятилетиям XVI века, тем не менее именно Кул-Мухаммед является первым известным по имени казахским послом, побывавшим в России. К сожалению, какие-либо данные уточняющие его личный статус или положение в Казахском ханстве или иные данные в источниках не отражены. Изредка в историографии, когда обращается внимание на историю казахского посольства Кул-Мухаммед, в прочем без какого-либо основания называется беком или даже султаном [2, с. 81; 24, с. 175; 26, с. 240]. Посольская практика Казахского ханства вполне допускала чтобы послами направлялись султаны, чему есть свидетельства из источников [49, с. 209]. Однако то что касается непосредственно посла Кул-Мухаммеда то вся информация о нем имеющаяся в источниках связана только с посольствами в Россию в 1590-е годы, в которых он называется только как посол. Например, он называется «казацкие орды посол», или «казацкого царя посол» и т.п.⁸. При этом какое-либо упоминание его в ином статусе или обладателем им титула отсутствует. Состояние источников не позволяет более предметно сказать о составе и численности казахского посольства. Кроме самого Кул-Мухаммеда из состава казахского посольства по имени известен еще некто Тогонаш, который был направлен к персидскому шаху Аббасу⁹, о чем скажем позднее. Кроме того можно предположить что в составе по-

⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6–13.

⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 27.

⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 1; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 14, 79, 83.

⁹ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 78.

сольства возможно был брат самого Кул-Мухаммеда, который согласно источникам был в составе его второго посольства¹⁰.

Во время нахождения казахского посольства в России состоялось несколько встреч Кул-Мухаммеда с царевичем Ураз-Мухаммедом являвшимся племянником казахского хана Таваккула и родным внуком предыдущего казахского хана Шигая (1580–1582). Находящийся уже несколько лет в России, занимавший в силу своего происхождения заметное место при дворе Федора Ивановича и позднее Бориса Годунова, будущий касимовский хан был, привлечен¹¹ для контактов с казахским посольством. Собственно, встречи и беседы царевича Ураз-Мухаммеда и посла Кул-Мухаммеда в ходе которых были озвучены задачи казахского посольства и обозначены цели и позиция русской стороны фактически стали центральным событием казахско-русских переговоров.

Следует отметить что в исторической литературе все еще сохраняется путаница относительно общего количества и порядка встреч казахского посла с царевичем [см.: 29, с. 12; 7, с. 34; 8, с. 77, 117; 44, с. 177, 248, 332, 349; 13, с. 36; 10, с. 41–43; 5, 160]. Вместе с тем, доступные источники все-таки позволяют и вполне определенно говорить не менее чем о трех состоявшихся встречах, а также о их времени и очередности.

Первая встреча Кул-Мухаммеда и Ураз-Мухаммедом произошла в Москве на подворье царевича во второй декаде января 1595 года¹². Источники ничего не сообщают о характере этой встрече, но вполне можно допустить что в ходе данной встречи состоялось представление казахского посольства и могли быть озвучены официальные задачи поставлены перед ним ханом Таваккулом.

О второй встрече известно больше всего. Она состоялась формально по просьбе Ураз-Мухаммеда который хотел встретиться с казахским послом что бы осведомиться о своих родственниках («роспросит про братью свою») при этом встреча должна была пройти «наодине»¹³. В день обращения в Посольский приказ 20 января того года, было получено дозволение («по государеву указу слуга и конюшей боярин Борис Федорович освободил») и состоялась сама встреча («и того дни посол у царевича был»)¹⁴.

В ходе встречи, ожидаемо царевич Ураз-Мухаммед расспрашивал не только «про братию», но были озвучены вопросы о состоянии Казахского ханства, особенно его отношениях с соседями и некоторое другие.

Целью этой второй встречи «наодине» судя по ее содержанию было в неформальной обстановке в ходе беседы и расспросов «про братию» уточнить реальные цели казахского посольства и обозначить позицию русской стороны.

Обратим внимание на характер встречи, о чем просил Ураз-Мухаммед что бы встреча прошла – «наодине» то есть наедине, один на один, без свидетелей. В литературе встречается объяснение что якобы Ураз-Мухаммед и казахский посол Кул-Мухаммед должны были встретиться без участников с русской стороны [44, с. 177, 248, 332, 349; 10, с. 41–43; 12, с. 56]. Однако в данном случае речь скорее

¹⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82.

¹¹ С учетом роли Ураз-Мухаммеда в казахско-русских переговорах в 1595 году небезынтересен тезис Д.М. Исхакова и З.А. Тычинских относительно важности его персоны для русской восточной внешней политики и непосредственно в отношении Казахского ханства, что нашло отражение как они считают в будущем назначении казахского царевича касимовским ханом [см.: 21, с. 397–410].

¹² РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6–7.

¹³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6.

¹⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 7.

шла наоборот о том что бы это казахский посол явился на встречу с Ураз-Мухаммедом один, без сопровождающих, тогда как собственно с русской стороны кроме царевича были еще представители Посольского приказа¹⁵.

Из источников известно еще об одной, третьей встрече, о чем явно свидетельствует два источника. Первый это – запись событий от 28 января 1595 года в которой сообщается что в этот день Ураз-Мухаммед в беседе с Василием Щелкаловым дьяком Посольского приказа еще раз обратился с просьбой о новой встрече с казахским послом. В этот раз встреча должна была состояться позднее в поместье самого царевича «казатцкому послу быть у его царевичевы матери и у сестры у его царевиче поместье»¹⁶. Тогда же дозволение было получено и Ураз-Мухаммеду было велено чтобы он «ехал к себе в поместье, а ждал посла в те б поры подготовился, чтоб у него в поместье было людно и нарядно при после»¹⁷.

Наиболее вероятным временем, когда произошла их третья встреча, следует отнести к февралю или началу марта того года. Явным доказательством того то царевич и посол встретились третий раз является челобитная самого Ураз-Мухаммеда¹⁸. В ней, он информировал о том что его поместье¹⁹ посетил казахский посол Кул-Мухаммед в сопровождении государева дворянина Петра Новосильцова и толмача Посольского приказа Булгака Алексеева которые пробыли у царевича два дня²⁰.

Стоит обратить внимание на то что челобитная Ураз-Мухаммеда не датирована, однако ее издатели без каких-либо видимых оснований и при этом весьма категорично отнесли ее ко времени «не позднее 1594 г.» [см.: 18, с. 5]. Вероятно, это было сделано на основании архивной описи, составленной не ранее конца XVIII века в которой документ, кстати был более корректно датирован – «около 1594 года». В свою очередь, как уже было сказано, необоснованная датировка челобитной привела к ошибке в определении времени первой встречи посла с царевичем.

К марту 1595 года относиться завершение казахской посольской миссии когда согласно царской грамоте адресованной Таваккул-хану «людям вашим свои царские очи вскоре видети дали есмя, и, пожаловав их своим царским жалованьем, к вам отпустили не издержав»²¹.

Формальным результатом первого казахского посольства можно считать вопрос о принятии Таваккул-хана «под царскую руку» в свидетельстве чего в царской грамоте было обозначено условие о присылке в аманаты («в заклад») кого-либо из ближайших родственников хана («из брати и из детей»)²². Говоря о принятии «под царскую руку» следует понимать, что вопрос о статусе отношений (наличия или уровня подданства) на тот момент решить сложно. Кратковременность контактов и отсутствие данных о дальнейшем характере отношений не позволяет говорить о том, что какая-либо форма зависимости Казахского ханства

¹⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 7.

¹⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 14.

¹⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 16.

¹⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 1.

¹⁹ А.В. Беляков ранее допускал, что в это время поместье Ураз-Мухаммеда могло находиться в Койской волости Угличского уезда, однако позднее поместье царевича, которое посетил казахский посол им было локализовано в Бежецком Верху [7, с. 35; 10, с. 43; 12, с. 59].

²⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3.

²² РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–3.

была установлена. Отсутствие четких и объективных критериев подданства, их «размытость» [43, с. 135] для рассматриваемого времени, затрудняет определение характера отношений, которые выстраивались между государствами. Однако и факт аманатства²³, также нельзя игнорировать. Выдвижение условия прислать аманата и в последующем согласие с этим казахского хана демонстрируют что Таваккул-хан в тот момент признал определенную степень зависимость о русского царя. Впрочем, следует исходить из того что отношение или восприятие аманатства для русской и казахской стороны могло отличаться. В.В. Трепавлов по этому вопросу отмечал что в двусторонних отношениях аманатство для русских воспринималось как «знак безусловного и исключительного подчинения Москве», а для другой стороны как «неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве» [43, с. 139–140]. Такое же восприятие было и относительно других инструментов в двусторонних отношениях Русского государства с «восточными» соседями [11, с. 52].

Более важным, практическим, результатом посольства Кул-Мухаммеда следует признать установление взаимных отношений между государствами, их взаимную заинтересованность в поддержании контактов друг с другом. Это выразилось в ответном русском посольстве в Казахское ханство, которое возглавил переводчик Посольского приказа, сын боярский Вельямин Степанов²⁴.

Информации о русском посольстве содержится в бумагах самого Вельямина Степанова. В отписке составленной русским послом содержатся данные о маршруте посольства, а также фрагментарное описание приема в ставке Таваккул-хана и некоторые другие данные²⁵.

Из источников известно что русское посольство вместе с казахской миссией уже в мае 1595 года достигли Казахского ханства²⁶. Отмеченный Степановым радушный прием и содержание прибывшего посольства²⁷ могут свидетельствовать в пользу того что Таваккул-хан был заинтересован в продолжении контактов. Кроме того мы знаем что условия выдвинутые русской стороной были приняты казахским ханом, так как вместе со Степановым и новым казахским посольством в Россию в качестве аманата был направлен один из ханских сыновей – Мурат-султан²⁸.

К сожалению, в отличие от первого казахского посольства Кул-Мухаммеда, о втором посольстве, прибывшем осенью 1595 года в Россию известно крайне мало, также в основном из материалов Вельямина Степанова. По большому счету известен только маршрут следования и время прибытия, однако, как сложились обстоятельства и чем оно завершилось неизвестно. В конце июля 1595 г. Кул-Мухаммед, вместе со Степановым претерпев серьезные лишения осенью того года достигли русских пределов²⁹. Как сообщал посол Степанов в начале октября он вместе с казахским посольством прибыл в Тетюши – русское укрепление на Волге³⁰. Одна-

²³ Типологически, по А.Ф. Озовой под аманатством в данном случае следует понимать неэквивалентный, односторонний тип дипломатического заложничества, как институт сюзеренно-вассальных отношений [см. 30, с. 40].

²⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 8.

²⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81–84, 91–94.

²⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81.

²⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82.

²⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82.

²⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82–84.

³⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 83–84.

ко, что далее происходило с посольством, обстоятельства его пребывания в России остаются неизвестными. Также неизвестно как сложилась судьба султана Мурата сына Таваккул-хана [см.: 8, с. 77; 39, с. 1164]. Последнее что мы знаем об этом посольстве это что в Москву было доставлено две грамоты от Таваккул-хана, одна адресованная царю Федору Ивановичу, а вторая к Борису Годунову [31, с. 94.].

К концу XVI века относится еще один эпизод посольской пересылки между государствами. В 1595 или 1596 году из России в ставку казахского правителя с миссией был направлен служилый татарин Исенчюра Байкешев «с товарищи», однако какие-либо подробности этого события неизвестны [31, с. 136; 32, с. 282]. С этого времени и практически до конца XVII века, какие-либо надежные данные о посольских контактах между Казахским ханством и Русским государством отсутствуют.

Для того чтобы ответить на вопрос какое место в казахско-русских связях в конце XVI века занимали Сибирское и Бухарское ханства необходимо понять причины активизации посольских связей между Казахским ханством и Русским царством и те цели которые преследовали каждое из этих государств.

«Бухарский фактор» в казахско-русских переговорах 1595 г.

Согласно историографической традиции, существующей почти два века главным мотивом казахского хана Таваккула, который инициировал отправление посольства в Россию почти всегда указывается освобождение его племянника царевича Ураз-Мухаммеда. Впервые это объяснение дали в свое время Н.М. Карамзин и А.И. Левшин [19, с. 198; 23, с. 50]. Гораздо позднее, уже ближе к середине XX века, после начала публикации некоторых источников постепенно начинается осмысление причин подтолкнувших казахского хана к началу переговоров.

Кратко отметим исследователей, которые в своих работах начали первыми, с опорой на источники ставить под сомнение тезис о том, что основная причина интенсификации казахско-русских посольств в конце XVI века заключалась в так называемом освобождении Ураз-Мухаммеда.

В первую очередь это ленинградский историк, работавший в 1920-х – 1930-х годах – А.П. Чулошников. Именно А.П. Чулошников первый назвал освобождение Ураз-Мухаммеда только лишь предлогом для соглашения Казахской орды с Русским государством³¹. Основную причину он видел в поиске казахским ханом военного союзника против бухарского правителя Абдаллаха II³². Однако рукопись его работы, в которой он фактически самый первый обратил внимание на эти обстоятельства осталась не опубликованной и храниться в личном фонде историка в одном из архивов Санкт-Петербурга.

Спустя продолжительное время эти тезисы стал развивать В.Я. Басин, который с опорой на документы посольств, изданных в начале 1960-х годов, также назвал освобождение Ураз-Мухаммеда только предлогом для заключения казахско-русского соглашения [6, с. 91–92]. Главная же причина, заключалась в стремлении Таваккул-хана «добиться того, чтобы русский царь дал казахскому хану "огненного бою"» для противостояния с его основным соперником ханом Бухары [6, с. 91-92].

На современном этапе исследователи среди основных вопросов кроме «освобождения» Ураз-Мухаммеда, также отмечают получение русской военной

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 262. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.

³² Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф. 262. Оп. 1. Д. 62. Л. 18–19.

помощи и принятие Таваккул-хана в «под царскую руку» и некоторые другие аспекты [28, с. 240; 29, с. 11, 14; 13, с. 36; 42 с. 251; 4, с. 228-229; 1, с. 371; 5, с. 159; 37, с. 389]. При этом тезис собственно об «освобождении» продолжает встречаться во многих современных исследованиях являясь нередко основным.

Однако содержание посольских документов позволяет достаточно ясно определить цели каждой из сторон, в том числе те причины, которые заставили казахского хана отправить свое первое посольство. Именно определение этих причин поможет определить какое место в двусторонних переговорах занимали государства во главе с Кучумом и Абдаллахом II.

Относительно позиции казахского хана и причин, заставивших его обратиться к поиску союзника в лице Русского государства наиболее информативными являются два источника. Первым из них является запись событий или более известный как запись «беседы» Кул-Мухаммеда и Ураз-Мухаммеда датируемая январем 1595 года³³. Вторым информативным документом является царская грамоты адресованная казахскому хану и его влиятельным родственникам³⁴. Первый источник содержит сведения сообщенные казахским послом Кул-Мухаммедом, а во втором частично раскрывается содержание грамот самого казахского правителя, а также султанов Шах-Мухаммеда и Кучука³⁵.

Эти документы довольно надежно показывают, что мотивы Таваккул-хана следует искать не в его родственных чувствах к племяннику, а в той непростой внешнеполитической ситуации в которой находилось Казахское ханство в то время. Еще раз вспомним яркое описание которое дал Кул-Мухаммед отношениям Казахского ханства со своими соседями – с некоторыми соседями «в миру», а с некоторыми «ни так, ни сяк»³⁶. Однако это только фрагмент описания. Основное внимание казахский посол уделил одному государству, это Бухарское ханство. Кул-Мухаммед отдельно подчеркнул что Таваккул-хан «з бухарским царем тепере в миру на время»³⁷. Этим самым он давал понять, что сохранявшийся мир с Бухарой носит непрочный и временный характер. Отметим один казус который изредка встречается в исторической литературе. Характеризуя отношения казахов с Бухарой якобы Кул-Мухамед указал что Казахское ханство признавало в то время свою зависимость от Абдаллаха II («с бухарским царем тепере в ссылке и под его царскою рукою») [34, с. 93; 35, с. 267]. Однако это предположение основывается на ошибке допущенной при издании сборника документов 1961 года [см.: 18, с. 3] которая и ввела исследователя в заблуждение. При издании документа были серьезно перепутаны слова и целые строки, что и привело к искажению смысла, тогда как в архивном варианте утверждение о том, что казахи зависят от бухарского правителя («под его царскою рукою») отсутствует.

³³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6–16.

³⁴ В царских грамотах, адресованных султанам Шах-Мухаммеду и Кучуку выдвигались те же тезисы, и положения, часто повторяемые дословно, что и в грамоте Таваккул-хану [РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–8; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 37–40].

³⁵ Составители сборника «Казахско-русские отношения» 1961 года ошибочно назвали Шах-Мухаммеда и Кучука сыновьями Таваккул-хана [18, с. 10] однако, эти султаны являются не сыновьями, а родными братьями хана [41, с. 191–193], либо по другой версии Шах-Мухаммед брат, а Кучук сын Ондана, то есть родной брат Ураз-Мухаммеда и соответственно племянник Таваккул-хана [38, с. 93–94].

³⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 8.

³⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 8.

В ходе беседы с царевичем казахский посол старался акцентировать его внимание и соответственно русской стороны на политике Абдаллаха II. Казахский посол сообщил что «бухарской царь ныне ургенсково Азима царя со юрта согнал, Юргенч взял под себя, а ныне с Ногаи соединясь, хочет поставить в Сарайчике город; а как в Сарайчике город поставит, толды будет и Астороханью примышлять»³⁸. Позже казахский посол в ходе беседы еще раз обратил внимание на то что бы русский царь «Сарайчиком бы не оплашивался» [27, с. 292]³⁹.

Это явный намек на те угрозы, которые Абдаллах II может создать не только собственно для казахов, но и для Русского государства. А казахский посол прямо «пугал» русскую сторону возможным появлением бухарских войск в северном Прикаспии, непосредственно на русских рубежах. Для чего это было сделано, с какой целью такое внимание казахским послом было обращено на Бухарское ханство?

Именно во время сообщения о Бухарском ханстве посол хана Таваккула озвучил конкретные цели, которые были поставлены перед его миссией из чего станут понятны и собственно причины которые заставили казахского хана обратиться к русскому правителю. Всего послом Кул-Мухаммедом были озвучены две просьбы казахского хана. Первая просьба заключалась в том что «только государь пожалует, примет царя [Таваккула] и царевичей [Шах-Мухаммеда и Кучука] под свою царскую руку, и похочет только пожаловать тебя [Ураз-Мухаммеда] отпустит, и яз то истинно говорю, что Тевкель царь пришлет в заклад царевича»⁴⁰. Вторая сводилось к следующему: «пожалует государь только даст царю [Таваккулу] и царевичем [Шах-Мухаммеду и Кучуку] огненного бою⁴¹, и царь Тевкель и царевичи однолично станут воевать бухарсково царя, и самому то тебе ведомо что Тевкель царь и царевичи блиско живут бухарсково, плохо им бухарсково воевать» [27, с. 292]⁴².

Таким образом, были озвучены две вроде бы сопоставимые между собой цели, которые преследовало казахское посольство – освобождение Ураз-Мухаммеда при условии прислать в обмен за него другого казахского султана и получение военной помощи для борьбы с бухарским ханом.

Можем предположить, что так как вопрос о замене Ураз-Мухаммеда был озвучен первым, то это могло стать одной из причин того почему многие исследователи как раньше, так и сейчас продолжают считать основной целью посольства именно «освобождение» ханского племянника.

Однако если обратимся и к самой беседе, и к царской грамоте адресованной Таваккул-хану станет понятно, что цель была фактически одна и освобождение Ураз-Мухаммеда имело подчиненное значение. Для казахского хана было важно получить военную помощь, а «освобождение» являлось на самом деле заменой одного аманата на другого еще более статусного – ханского племянника от сводного брата на родного ханского сына. Это вполне очевидно, было условием русской стороны.

³⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9.

³⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9–10.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9.

⁴¹ Нередко исследователи понимают это как просьбу о предоставлении казахам огнестрельного оружия, однако речь идет и это четко фиксируется в посольских документах о вооруженной этим оружием русской рати. Я.Г. Солодкин первый обратил на это внимание [40, с. 148].

⁴² РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9.

Кстати Ураз-Мухаммед во время беседы, сразу после слов казахского посла прямо ответил что если будет прислан «в заклад» другой казахский султан то «государь их во всем пожалует и некоторому недругу их не подаст, а на которого недруга понадобится им рать огненная, на бухарсково или на ногаи, и государь од-нолично пожалует рать даст»⁴³. Тоже было и в ответном письме царя к казахскому хану «а только ваша к нам прямая правда и служба будет и Усеина-царевича [старшего сына Таваккула] к нам пришлешь, и мы брата вашего Урузмагмета-царевича... к вам отпустити велим и с ним вместе многую рать свою с огненным боем в Сомару послати велим. И вы с тою нашею ратью учнете над бухарским и надо всеми своими недруги... промышляти»⁴⁴.

Теперь становиться понятным почему столько внимания в ходе беседы Кул-Мухаммед уделит Бухарскому ханству, о чем писалось выше. Все что казахский посол говорил об опасности политики Абдаллаха II в регионе и даже возможном продвижении его к русским границам все это явно было сделано с целью побудить Москву предоставить военную помощи казахам именно против Бухарского ханства.

Таким образом, есть все основания предположить, что для Таваккул-хана именно бухарский фактор был основным. Поиск союзников в противостоянии с Абдаллахом II и был главной причиной и целью казахской миссии. Очевидно, что этот фактор был настолько серьезен в тот момент, что Таваккул согласился на формальное признание своей зависимости от русского царя, что вероятно было условием Москвы. Согласие признать зависимость следует из того простого факта что Таваккул-хан, как мы помним в ходе второго посольства Кул-Мухаммеда, направил к русскому двору «в заклад» одного из своих сыновей.

Имеется еще одно обстоятельство которое убедительно свидетельствует в пользу важности для казахской стороны именно бухарского фактора. Во время своей первой миссии в Москву Кул-Мухаммед смог добиться, при посредничестве Ураз-Мухаммеда, встречи с находившимся тогда же в России персидским (кызылбашским) послом Гадибеком (Адибеком) и не просто встретиться с ним, а получить разрешения от русского правительства и убедить персидского посла чтобы «кызылбашской посол послал человека своего... к Тевкелю-царю, и к царевичем, а... посол Кулмагмет послал своего товарища с кызылбашским послом х кызылбашскому Аббас-шаху»⁴⁵. Для чего это было нужно казахскому послу он сам четко объяснил – потому что «кызылбашскому [правителю] бухарской [правитель] недруг, чтоб нам с кызылбашским сослатца и стоять бы [вместе] с кызылбашским на бухарсково»⁴⁶. То есть опять же исходя из важности поиска союзников в борьбе против Бухарского ханства, Кул-Мухаммед и тут нужно отдать ему должное, смог организовать взаимный казахско-персидский обмен представителями⁴⁷ для ведения переговоров о возможном антибухарском союзе.

⁴³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 11.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 5–6.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 12–16, Л. 27; РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 7.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 12.

⁴⁷ Имя казахского представителя, направленного к шаху Аббасу уже, называлось (Тогонаш), и имя персидского представителя направленного ко двору Таваккул-хана также известно – это некто Дервиш-Маметь. При этом встречающиеся в литературе утверждения о том, что к Таваккул-хану отправился сам персидский посол (Адибек) не соответствует действительности [см.: 4, с. 229].

Подводя промежуточный итог в вопросе о месте Бухарского ханства в казахско-русских переговорах можно уверенно говорить о том, что бухарский фактор был основным для казахской стороны. Именно поиск возможных союзников в военном противостоянии с Абдаллахом II побудил казахского хана Таваккула направить посольство, вести переговоры и принять ряд условий русского правительства.

Таким образом, вполне можно согласиться с объяснением, данным в свое время А.П. Чулошниковым и затем повторенным вслед за ним В.Я. Басиным, а также высказываемым некоторыми современными исследователями. То есть главной целью казахского посольства было именно получение русской военной помощи для грядущего противостояния с Бухарой. При этом так называемое освобождение Ураз-Мухаммеда было все-таки больше поводом либо даже скорее всего одним из условий договоренностей.

«Сибирский фактор» в казахско-русских переговорах 1595 г.⁴⁸

Теперь следует рассмотреть какое место в двухсторонних переговорах занимало тюрко-татарское ханство во главе с Кучумом. Для того чтобы ответить на это вопрос нужно будет разобраться, и понять цели уже русской стороны.

Даже из краткого историографического обзора заметно, что в большинстве случаев авторов интересовали позиции казахской стороны. Это было вполне понятно и объяснимо так как именно казахский хан инициировал посольские связи. Вместе с тем именно при изучении русских целей становится понятным место и роль Сибирского ханства в двусторонних переговорах.

Пару слов следует сказать о небольшой заочной дискуссии, которая сложилась в историографии. В свое время В.Я. Басиным было прямо отмечена важность для русской стороны «сибирского фактора». Он небезосновательно считал, что в ходе переговоров конца XVI века Русское царство было заинтересовано в союзнике для борьбы с сибирским ханом Кучумом. Как полагал В.Я. Басин таким возможным союзником при определенных условиях и взаимной заинтересованности вполне могло Казахское ханство [6, с. 9, 89].

Спустя время Я.Г. Солодкин возразил против выводов В.Я. Басина считая их не совсем обоснованными. Свое возражение он объяснял следующим образом – «к середине последнего десятилетия XVI в. Сибирское ханство фактически уже было разгромлено, борьбу продолжали отдельные отряды, сохранявшие верность Кучуму» [40, с. 147]. На основе этого он прямо выступил против объяснения В.Я. Басина считая, что его «вывод об особой заинтересованности московского правительства в союзе с казахским ханом против Сибирского «юрта» кажется неоправданным» [40 с. 147].

Эта небольшая, но интересная дискуссия добавляет актуальности в разрешение нашего вопроса о том, какое же место занимало Сибирское ханство в казахско-русских переговорах.

Пожалуй самым информативным источником, для того что бы понять позицию русского правительства в двусторонних контактах, понять цели которые преследовала Москва и главное для нас какое место при этом занимало Сибирское ханство, являются уже упоминавшиеся выше грамоты русского царя направленные казахскому хану и его близким⁴⁹. Кроме того значение имеет «наказ»

⁴⁸ Некоторые аспекты этого вопроса были рассмотрены нами ранее [см.: 22].

⁴⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–8; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 37–40.

послу Вельямину Степанову который содержит некоторые моменты связанные с государством Кучума⁵⁰.

Эти источники кроме ряда других вопросов, представлявших интерес для Русского государства указывают еще на один важный фактор, имеющий несомненное значение для восточного направления его внешней политики – Сибирское ханство Кучума.

В посольских документах в частности в грамоте царя Федора Ивановича, адресованной казахскому хану, имя сибирского правителя упоминалось несколько раз. Царь в грамоте указывал «нам бы, великому государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси самодержцу, тебя [Таваккула] пожаловати приняти под свою царскую руку с обеими вашими ордами с Казатцкою и с Колматцкою. А вы из нашего царского повеленья не выступите, как нам изменил Кучюм, Царь сибирской»⁵¹. То есть фактически, условием принятия казахов «под свою царскую руку» было то что бы они «не изменяли» русскому царю, так как это сделал Кучум.

Для русской стороны «измена» Кучума являлась весьма значимым вопросом, так как в грамоте царь подчеркивал что, разрыв прежних отношений с Москвой, на которую пошел сибирский правитель имела для него самого негативные последствия – «его с юрта наши люди согнали»⁵².

Еще более наглядным при объяснении целей и позиций России в ходе переговоров могут являться другие прямые указания на Кучума сделанные в царской грамоте.

В грамоте царя указано было что после того как Таваккул признает свою зависимость и в качестве доказательства пришлет в аманаты своего сына то после этого «по нашему царскому повеленью, будете воевати бухарского царя и изменника нашего Кучюма царя сибирского, изымав, к нашему царского величества порогу пришлете»⁵³. Как видим кроме Абдаллаха II против которого и просил помощи Таваккул-хан, в царской грамоте прямо указывается еще одна сторона с которой должны будут воевать казахи – сибирский хан Кучум.

Следует подчеркнуть, согласно источникам, Таваккул-хан просил военной помощи исключительно только против Бухарского ханства, а Сибирское ханство его посол вообще не упоминал. Таким образом, требование царя «воевати» еще и Кучума может свидетельствовать только о том, что Сибирское ханство волновало именно русскую сторону.

Царь Федор Иванович в своей грамоте еще несколько раз указывает на необходимость о выступлении казахов против Кучума⁵⁴. Мало того для русского владыки именно способность казахского хана пойти войной против сибирского хана и непосредственно содействовать его поимке являлось своего рода маркером искренности намерений казахского хана в отношении России. И с этим увязывалась уже реализация царских обещаний казахскому хану. Царь писал чтобы хан и его братья «Кучюма-царя, изымав, к нашего царского величества порогу прислали, тем бы есте правде своей и службе нам знамя показали», и далее, «а наше царское усмотренье и защищенье ото всех ваших недругов и жалованье наше... вперед будет смотря по вашей правде» [18, с. 9]⁵⁵. То есть для русской стороны

⁵⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 27–35.

⁵¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1.

⁵² РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1.

⁵³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 2.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3, 6.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3–4.

именно Сибирское ханство и его правитель имело в отношениях с Казахским ханством особенное значение выступая неким показателем серьезности отношений между странами.

И наконец, есть еще одно, наверное, самое характерное упоминание хана Кучума которое четко демонстрирует важность Сибирского и Бухарского ханств для русской и казахской сторон соответственно. В своей грамоте царь обещает направить свое войско для совместных с казахами действий против недругов Таваккул-хана⁵⁶ и при этом весьма четко разграничивает этих самых недругов: «и вы с тою нашею ратью учнете *над бухарским и надо всеми своими недруги* (курсив – Н.Л.) и над нашим непослушником *над Кучумом-царем нашим делом промышляти* (курсив – Н.Л.)»⁵⁷. Таким образом мы видим, что бухарский хан – это «недруг» и приоритет для Казахского ханства, а сибирский хан – это «непослушник» и приоритет для Русского царства. И каждая из сторон решает свои задачи одновременно помогая союзнику в его противостоянии с врагами.

К вопросу о «непослушниках». В царской грамоте Абдаллах II («бухарский царь») упоминаться три раза, а Кучум пять раз и при этом почти всегда сибирский хан называется «изменником» или «непослушником» русского царя⁵⁸. Подчеркнем что Абдаллах II в царских грамотах также иногда называется «непослушником»⁵⁹. Как полагает Е.А. Рябина обозначая в грамотах бухарского правителя как «непослушника» русского царя Москва таким образом «стремилась повысить свое положение в глазах Казахского ханства» [34, с. 93; 35, с. 267]. В связи с этим стоит отметить что в источниках бухарский хан называется русским царем «непослушником» всего пару раз и только в тех случаях, когда Абдаллах II упоминается в связке с Кучумом⁶⁰.

Кратко подытоживая, отметим что следует все-таки согласиться с тезисом В.Я. Басина что для Русского государства важное место в переговорах с казахской стороной в 1590-е годы занимал именно сибирский фактор, то есть нерешенность вопроса с Кучумом обуславливала заинтересованность Москвы в поддержании связей с Таваккул-ханом.

Некоторое представление о серьезности сибирского вопроса для русского правительства именно в связи с казахскими посольствами демонстрирует и такой практический момент как маршрут передвижения посольства. Из источников видно, что это был достаточно важный вопрос, нашедший отражение в царском «наказе» русскому послу. Вельямин Степанов вместе с казахским посольством должен был ехать через Казань на Уфу и там расспросить «тутошних татар и казаков, которые в Сибирь хаживали»⁶¹. Согласно наказу послу рекомендовалось идти либо на Тюмень либо на Тобольск или если будет необходимость прямо на Тару, в общем «смотря по тамошнему делу, на которой государев город сибирской итти чем безстрашнее, на тот город и итти»⁶². Во все эти сибирские города уже были направлены царские грамоты местным воеводам на случай прибытия посольства. Главная причина, по которой послу предписывалось тщательно выбирать маршрут следования к сибирским городам крылась как-раз в той опасности, которую представлял для русских властей сибирский Шибанид хан Кучум и,

⁵⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 4–6.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 6.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–3, 6.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 39.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 39.

⁶¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 27–28.

⁶² РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 28.

по-видимому, союзные ему ногаи. Царь так и указывал «итти Вельямину в Казатцкую орду, выпрося вожей на которые места лутче, и от Кучюма царя и от нагаи пройти безстрашно»⁶³. В наказе еще несколько раз упоминается имя сибирского хана в контексте безопасного следования посольской миссии и постоянно предписывалось выбирать маршрут и передвигаться «от Кучюма-царя бережнее»⁶⁴.

Опасность от сибирского правителя обуславливалась, конечно, сложными русско-сибирскими отношениями, которые складывались конкретно в тот момент. Однако нельзя исключать и того что мог учитываться трагический опыт отправления русского посольства, в Казахское ханство которые не дошло до адресата именно из-за действий сибирской стороны. Речь идет о русском посольстве 1573 года во главе с Третьяком Чебуковым, которое было уничтожено племянником Кучума султаном Маметкулом [см.: 36].

Судя по всему, в Москве слабо были информированы о том, где в то время мог находиться Кучум, и где следовало его опасаться, так как ни одно из предполагаемых направлений оказалось не подходящим. Дойдя до Казани посол Вельямин Степанов выяснил от местных стрельцов что они, в этом году возвращаясь из Тары, подверглись нападению сибирского правителя, поэтому начинать путь в Казахское ханство через Сибирские города «от Кучюма пристрашно» [27, с. 293]⁶⁵. В связи с чем было принято решение идти через верховья Яика (Урала), потом на Иргиз и далее в сторону казахских владений. Кстати этот путь как наиболее безопасный судя по документам, подсказал казахский посол Кул-Мухаммед, который им и прошел в Россию⁶⁶.

Как позднее сообщал царю Вельямин Степанов «шел, государь, я от Казани до Пегих гор⁶⁷ девять недель», как поясняет сам Степанов именно в «Пегих горах» кочевал в то время Таваккул-хан [27, с. 294]⁶⁸. Таким образом, отправной точкой маршрута стала Казань, а всего путь до Казахского ханства составил более двух месяцев.

Понимая важность сибирского вопроса для русского правительства в 1590-е годы, в то время, когда шел обмен посольствами с Казахским ханством, и место этого ханства, его вероятную помощь в противостоянии с Кучумом вместе с тем встает вопрос о том, а какое место имело и имело ли вообще Сибирское государство собственно для казахского хана в тот период. В историографии проблема казахско-сибирских отношений в тот период остается еще слабо изученной. Это обусловлено особенностью источниковой базы, а именно крайней малочисленностью письменных источников, что не позволяет надежно проследить всю динамику этих отношений, и в том числе понять какое значение сибирские правители имели для казахов в конце XVI века.

Имеющиеся источники позволяют предполагать, что отношения Кучума с казахами уже в ранний период его деятельности носили непростой характер [см.: 47, с. 84]. В историографии в целом подчеркивается сложность связей Сибирского государства и Казахского ханства. Например, Д.Н. Маслюженко и С.Ф. Татауров характеризуют взаимоотношения сибирских ханов Ахмад-Гирея и Кучума с

⁶³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 30.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 28, 30, 35.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 77–78.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 79.

⁶⁷ М.Х. Абусейтова полагает что «Пегие горы», где в то время кочевал Таваккул-хан – это горы Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань) [4, с. 228].

⁶⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81.

казахскими правителями Хак-Назаром и затем Шигаем как «запутанный клубок противоречий» [25, с. 103]. Не более ясным остается вопрос о том, как складывались отношения в период правления собственно Таваккул-хана. Например, в недавней монографии казахстанских авторов отмечается активность этого правителя на сибирском направлении и даже предполагается что именно по его инициативе на короткое время во второй половине 1580-х годов, Сибирь подчинилась Казахскому ханству, а ханский племянник Ураз-Мухаммед был направлен самим Таваккулом в качестве кандидата на сибирский престол [20, с. 192]. При этом стоит отметить, что вопрос нахождения в Сибири Ураз-Мухаммеда, обстоятельства его пребывания и причины, по которым он там оказался остается нерешенным.

Интересно что иногда в исторической литературе можно встретить утверждение, что наряду с другими именно сибирский фактор побудил Таваккул-хана инициировать свое посольство в Москву. Например, Н.А. Атыгаев прямо утверждает что казахский хан, направляя своего посла в Россию «был заинтересован в заключении военно-политического союза с Москвой для совместной борьбы с Кучум-ханом и его союзником Абдаллах-ханом» [5, с. 159]. Однако, как было показано ранее посольские документы не показывают позицию казахской стороны по отношению к Кучуму и связям с Сибирским ханством. Это совершенно не исключает что какие-то противоречия в отношениях Казахского ханства с Сибирским ханством могли быть в тот момент, однако источников, которые бы надежно их подтверждали или хоть какие-то данные, которые позволяли оценить место Сибири во внешней политике Казахского ханства, конкретно в середине 1590-х годов, мы пока не находим.

Вместе с тем в документах взаимных посольств все же имеется определенный момент, который позволяет хотя и весьма косвенно, но предположить, что казахский хан Таваккул мог иметь непростые отношения с Кучумом. В своем сообщении о пребывании в ставке («цареве орде») Таваккул-хана посол Вельямин Степанов отмечает, что казахский хан при получении царской грамоты выказал предельную осторожность, опасаясь, что бы содержание послания не попало к его противникам. Это место в источниках не очень хорошо сохранилось, но некоторые фрагменты позволяют определить их. Так, в одном месте Вельямин Степанов приводит такие слова самого хана «людем де своим честь [т.е. читать] дать не верю, потому что у меня молла мой бухарец и которое де будет тайное слово и то де будет у Абдулы царя в ушех»⁶⁹. Тут мы видим прямое указание на бухарского хана как той стороны, которой опасался Таваккул, однако была еще одна сторона. В том же документе но в другом сохранившемся фрагменте русский посол пишет что хан видимо определился с тем кто будет читать царскую грамоту так как «велел честь, которому своему верному человеку, чтоб бухарские и шибанские люди того не ведали»⁷⁰. Бухарские люди это вполне очевидно подданные Абдаллаха II, однако кто подразумевался под «шибанскими людьми», которых видимо опасался Таваккул-хан?

В историографии под «шибанскими людьми» понимаются разные тюрко-татарские этнополитические группы, связанные с династией сибирских или бухарских Шибанидов [см.: 45]. Русские источники того времени также весьма неоднозначны. Это демонстрируют и используемые документы. Тот же Вельямин Степанов например описывая путь к казахам в одном месте указывал что он

⁶⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 91.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 92.

шел кроме прочего «мимо шибанскую землю бухарского царя города»⁷¹. Это указание в источнике показывает, что русский посол в этом случае связывает Бухарское владение с «шибанской землей», однако в том месте где речь шла о бдительности Таваккул-хана Вельямин Степанов явно отделяет «бухарских» людей от «шибанских».

Учитывая фон и содержание переговоров, тех проблем, которые поднимались и главное тех факторов (бухарский и сибирский), которые были ведущими для каждой из сторон, кажется логичным предположить, что конкретно в этом случае в документе под шибанскими людьми подразумевались группы сибирских татар или татарской знати остававшихся верными Шибаниду Кучуму. Таким образом, казахский хан в передаче этого эпизода русским послом проявлял осторожность, что бы детали казахско-русских переговоров не стали известны бухарской и сибирской стороне. Если это предположение верно, то можно допустить что отношения Таваккул-хана с сибирским правителем были непростыми в это время.

Кроме того, оценивая значение Сибирского ханства для Таваккул-хана стоит обратить внимание на то, что посольские документы хотя и не содержат прямых упоминаний о нем с казахской стороны, но при этом в них нет и никаких возражений против условий русского правительства относительно помощи в противостоянии с Кучумом. Учитывая, что казахский хан выполнил условие Москвы, отправив одного из своих сыновей «в заклад», можно предположить, что и условие по борьбе с сибирским ханом также было им принято. Это в свою очередь может свидетельствовать в пользу того что казахско-сибирские отношения в середине 1590-х годов небыли дружественными.

Важное место во внешней политике Казахского ханства и Русского государства в 1590-е гг. продолжали занимать сибирские владения хана Кучума и Бухарское ханство во главе с Абдаллахом II. При этом сохранившиеся источники – материалы казахско-русских посольств того времени, позволяют достаточно точно обозначить внешнеполитические приоритеты для каждого из государств.

Инициатива в начале посольской пересылки, как это показывают документы, исходила от казахской стороны. Для хана Таваккула важным было найти союзника для противостояния со своим основным соперником в регионе – Бухарским ханством. Именно поэтому казахским правителем было направлено посольство Кул-Мухаммеда целью которого стало убедить русское правительство в необходимости совместных действий, в получении военной помощи против Абдаллаха II. Материалы переговоров, в частности запись беседы казахского посла с Ураз-Мухаммедом, содержат характеристику политики бухарского хана в регионе. Посол пытался в ходе переговоров убедить русскую сторону в опасности Абдаллаха II и для Москвы.

С другой стороны, в середине 1590-х гг. для восточных владений Русского царства, актуальным оставалось закрепить свои позиции в Сибири, для чего важным было успешно завершить борьбу с ханом Кучумом. В связи с этим, русское правительство в ходе переговоров актуализирует «сибирский фактор». В ответ на просьбу казахского хана о помощи в борьбе с бухарским ханом, выдвигается встречное условие о выступлении казахов против сибирского правителя. С точки зрения России Казахское ханство было той силой которая могла оказать реальную помощь в борьбе с Кучумом. Исходя из этого военная помощь Таваккул-хану против Бухары увязывалась с его ответным участием в борьбе против сибирского хана.

⁷¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81.

Таким образом, вопрос о политике в отношении государств сибирских и бухарских Шибанидов был основным в ходе посольских контактов в 1595 году. Так как деятельность Абдаллаха II представляла угрозу для Казахского ханства, а Кучума для Русского государства казахско-русское взаимодействие было направленно на возможное создание военного союза или коалиции в рамках которой возможно было бы совместно решать актуальные для каждой из сторон вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдиров М.Ж. Казахский хан в Русском государстве. Алматы: [б.и.], 2021. 542 с.
2. Абуев К., Мухаммадиева И. Султан Ураз-Мухаммед: Жизнь и необычная судьба. Астана: Елорда, 2007. 144 с.
3. Абуев К.К. Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений. Кокшетау: «Әрекет», 2016. 200 с.
4. Абусейтова М.К. Казахское ханство. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2020. 344 с.
5. Атыгаев Н. Казахское ханство: очерки внешнеполитической истории XV–XVII веков. Алматы: Евразийский научно-исследовательский институт МКТУ им. Х.А. Ясави, 2023. 225 с.
6. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 276 с.
7. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 29–60.
8. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
9. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
10. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с.
11. Беляков А.В. О традиции использования вислых металлических печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств // *Золотоордынское обозрение*. 2024. Т. 12, № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> EDN: HZSJOR
12. Беляков А. В. Касимовский царь и сибирский мирза на рубеже XVI–XVII веков: Опыт параллельной биографии. М.: Квадрига, 2024. 296 с.
13. Васильев Д.В. Касимовское ханство и первые дипломатические контакты России и Казахстана // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57). Ч. II. С. 35–38.
14. Жаппасов Ж.Е. XVI–XVIII ғғ. қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихнамасы: монография. Алматы: «Қазақ университеті», 2019. 233 б.
15. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. Алматы: «Атамұра», 2010. 624 с.
16. История вхождения казахского народа в подданство Российской империи в документах // *Держава*. №1 (4), 1996. С. 77–78.
17. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. I: Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Алматы: Дайк Пресс, 2005. 704 с.
18. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961. 743 с.

19. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. X. СПб.: В типографии Н. Греча, 1824. 292+168 с.

20. Кузембайулы А., Абиль Е., Алибек Т. Сибирский улус и казахи: проблемы этнической приемственности и исторической памяти. Костанай: Региональный университет имени А. Байтурсынова, 2022. 256 с.

21. Лапин Н. С. Историография первого Казахского посольства в Русское государство в 1594–1595 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 1 (75) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840002572-8-1> (дата доступа: 05.03.2024).

22. Лапин Н.С. «Сибирский фактор» в казахско-русских переговорах 1594–1595 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30–31 октября 2020 г.) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 69–73.

23. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или, киргиз-казачьих орд и степей. Ч. 2. СПб.: В типографии Карла Крайя, 1832. 334 с.

24. Исахов Д.М., Тычинских З.А. Политико-идеологические предпосылки интронизации казахского султана Ураз Мухаммеда в Касимовском ханстве // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 397–410.

25. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Сибирь и государства Средней Азии и Казахстана в XV–XVI вв. // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 98–106.

26. Мажиденова Д.М. Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики (с древнейших времен до Венского регламента). Социологическая и политологическая литература. Астана: Издательство «Күлтегін», 2003 (2005). 240 с.

27. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1932 (1933). 504 с.

28. Мухамадеева И.А. «Казачьей орды султан» Ураз-Мухаммед – хан подмосковного Касимова // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. 2007. №3 (47). С. 238–242.

29. Мухамадеева И.А. Становление дипломатических связей Казахстана и России в конце XVI века // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. 2008. №2 (50). С. 10–15.

30. Озова Ф.А. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. СПб.: Нестор-История, 2020. 632 с.

31. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 195 с.

32. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Вып. 1. Ч. 1. / Под ред. С.О. Шмидта. Москва: [б. и.], 1977. 416 с.

33. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 432 с.

34. Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 90–95.

35. Рябинина Е.А. Поход Ермака и судьба Сибирского ханства // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 256–270.

36. Рябинина Е.А., Маслюженко Д.Н. Казус Третьяка Чебукова: убийство русского посла в Сибири в 1573 году // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 57–71. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-57-71>

37. Рябинина Е.А., Маслоуженко Д.Н. Сейдяк и Ураз-Мухаммед в сибирской истории // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 380–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.380-396> EDN: KXARTX
38. Сабитов Ж.М. Генеалогия «Торе». Астана: [б.и.], 2008. 324 с.
39. Сабитов Ж.М. К вопросу об обстоятельствах появления Ураз-Мухаммеда и Кадырала Жалаири в Сибири // История «Молодой учёный». 2015. № 11 (91). С. 1163–1165.
40. Солодкин Я.Г. О начальном этапе русско-казахских отношений (спорные проблемы) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. 1. М.-Иркутск-Гэгэу, 1997. С. 141–150.
41. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошке. Хань казахских степей. Астана: ТОО «Астана Даму-21», 2006. 256 с.
42. Султанов Т.И. Казахи. Судьба народа и судьба страны в Средние века. Алматы: «Дайк-Пресс», 2020. 344 с.
43. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост.лит, 2007. 255 с.
44. Трепавлов В.В., Беляков А. В. Сибирские царицы в истории России. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. 496 с.
45. Трепавлов В.В. Шибаны: несостоявшийся этноним // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 351–371. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371>
46. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
47. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
48. Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. М., Соцэргиз, 1962. 751 с.
49. Шах-Махмуд Чурас Хроника. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 496 с.

REFERENCES

1. Abdirov M.J. Kazakh Khan in the Russian State. Almaty, 2021. 542 p. (In Russian)
2. Abuev K., Mukhamadeeva I. Sultan Uraz-Muhammed: Life and unusual fate. Astana: Elorda, 2007. 144 p. (In Russian)
3. Abuev K.K. Siberian khanate in the context of Kazakh-Russian relations. Kokshetau: Areket, 2016. 200 p. (In Russian)
4. Abuseitova M.K. Kazakh khanate. Almaty: Shygys pen Batys, 2020, 344 p. (In Russian)
5. Atygaev N. Kazakh khanate: sketches of foreign political history of 15th–17th centuries. Almaty: Akhmet Yassawi University, 2023. 225 p. (In Russian)
6. Basin V.Ya. Russia and Kazakh khanates in the 16th–18th centuries: Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire. Alma-Ata: Nauka, 1971. 276 p. (In Russian)
7. Belyakov A.V. Uraz-Muhammed ibn Ondan. Minin Readings. Proceedings of the scientific conference. Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachev. (October 20–21, 2006). Nizhny Novgorod, 2007, pp. 29–60. (In Russian)
8. Belyakov A.V. Chinggids in Russia 15th–17th centuries: prosopographical research. Ryazan: Ryazan. Mir, 2011. 512 p.

9. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. Siberian-Bukhara-Nogai relations in the light of the correspondence of Bukhara Khan Abdallah with the Siberian Khan Kuchum. *Stratum plus*. 2016, no. 6, pp. 229–243. (In Russian)

10. Belyakov A.V. Uraz-Muhammed ibn Ondan and Isinei Karamyshev son Musaitov. Experience of joint biography. Almaty: ABDI Company JSC, 2019. 208 p. (In Russian)

11. Belyakov A.V. On the tradition of using hanging metal seals in the offices of the Golden Horde and Post-Horde States. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> (In Russian)

12. Belyakov A.V. Kasimov tsar and Siberian Mirza at the turn of the 16th–17th centuries: Experience of parallel biography. Moscow: Kvadriga, 2024. 296 p. (In Russian)

13. Vasiliev D.V. Kasimov Khanate and the first diplomatic contacts between Russia and Kazakhstan. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice*. Part. 2, no. 7, Tambov: Gramota, 2015, pp. 35–38. (In Russian)

14. Zhappasov J.E. 16th–18th centuries. historiography of Kazakh-Russian relations: a monograph. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2019. 233 p. (In Kazakh)

15. History of Kazakhstan (from ancient times to the present day). In five volumes. Vol. 2. Almaty: Atamura, 2010, 624 p. (In Russian)

16. History of the Kazakh people's entry into the subjection of the Russian Empire in documents. *Derzhava*. 1996, no. 1 (4), pp. 77–78. (In Russian)

17. History of Kazakhstan in Russian sources of 16th–20th centuries. Vol. 1: Embassy Materials of the Russian State (15th–17th centuries). Almaty: Dyke Press, 2005, 704 p. (In Russian)

18. Kazakh-Russian relations in 16th–18th centuries (collection of documents and materials). Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences Publ., 1961. 743 p. (In Russian)

19. Karamzin N.M. History of the Russian State. Vol. 10. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha, 1824, 292+168 p. (In Russian)

20. Kuzembayuly A., Abil E., Alibek T. Siberian ulus and Kazakhs: problems of ethnic continuity and historical memory. Kostanay: Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, 2022. 256 p. (In Russian)

21. Lapin N. S. Historiography of the first Kazakh embassy to the Russian state in 1594–1595. *ISTORIYA*. 2019, Vol. 10, Iss. 1 (75). Access mode: <http://history.jes.su/s207987840002572-8-1> (access date: 05.03.2024). (In Russian)

22. Lapin N.S. “Siberian factor” in the Kazakh-Russian negotiations in 1594–1595. History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: materials of the IV All-Russian (national) scientific conference (Kurgan, October 30–31, 2020). Ed. by D.N. Maslyuzhenko, S.F. Tataurov. Kurgan: Kurgan State University, 2020, pp. 69–73. (In Russian)

23. Levshin A.I. Description of the Kirghiz-Kaisak or, Kirghiz-Kazach hordes and steppes. Part. 2. St. Petersburg: Tipografiya Karla Kraya, 1832. 334 p.

24. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. Political and ideological prerequisites for the enthronement of the Kazakh sultan Uraz-Muhammad in the Kasimov Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 397–410. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.397-410> (In Russian).

25. Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Siberia and the states of Central Asia and Kazakhstan in the 15th–16th centuries. *Tyumen and Siberian khanates*. Kazan: Kazan Federal University Publ., 2018, pp. 98–106. (In Russian)

26. Mazhidenova D.M. Diplomatic service in the context of the evolution of world politics (from ancient times to the Vienna Regulations). Sociological and political science literature. Astana: Kultegin, 2003 (2005), 240 p. (In Russian)

27. Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Part 1: Trade with the Moscow State and the International Position of Central Asia in the 16th–17th centuries. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1932 (1933), 504 p. (In Russian)
28. Mukhamadeeva I.A. "Cossack Horde Sultan" Uraz-Muhammed – khan of Kasimov near Moscow. *Bulletin of Karaganda University*. Series: History. Philosophy. Law. 2007, no. 3 (47), p. 238–242. (In Russian)
29. Mukhamadeeva I.A. Formation of diplomatic ties between Kazakhstan and Russia in the late 16th century. *Bulletin of Karaganda University*. Series: History. Philosophy. Law. 2008, no. 2(50), pp. 10–15. (In Russian)
30. Ozova F.A. Institute of Amanatstvo in Circassian-Russian relations: 1552–1829. St. Petersburg: Nestor-History, 2020, 632 p. (In Russian)
31. Inventories of the Tsar's archive of the 16th century and the archive of the Embassy Order in 1614. Edited by S.O. Schmidt. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1960, 195 p. (In Russian)
32. Inventory of the archive of the Embassy Order in 1626. Vol. 1, Iss. 1. Edited by S.O. Schmidt. Moscow, 1977. 416 p. (In Russian)
33. Under the banner of Russia: Collection of archival documents. Moscow: Russkaya kniga, 1992. 432 p. (In Russian)
34. Ryabinina E.A. Foreign policy of Kuchum-khan in 1582–1598. History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: Proceedings of the International Conference (Kurgan, April 21–22, 2011). Kurgan: Kurgan State University Publ., 2011, pp. 90–95. (In Russian)
35. Ryabinina E.A. Ermak's campaign and the fate of the Siberian Khanate. *Tyumen and Siberian khanates*. Kazan: Kazan Federal University Publ., 2018, pp. 256–270. (In Russian)
36. Ryabinina E.A., Maslyuzhenko D.N. Casus Tretiak Chebukov: the murder of the Russian ambassador to Siberia in 1573. *The New Past*, 2022, no. 1, pp. 57–71. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-57-71> (In Russian)
37. Ryabinina E.A., Maslyuzhenko D.N. Seidyak and Uraz-Muhammad in siberian history. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 380–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.380-396> (In Russian)
38. Sabitov J.M. Genealogy "Tore". Astana, 2008. 324 p. (In Russian)
39. Sabitov J.M. On the circumstances of the appearance of Uraz-Muhammed and Kadyrali Jalairi in Siberia. *Young Scientist*. 2015, no. 11 (91), pp. 1163–1165. (In Russian)
40. Solodkin Y.G. About the initial stage of Russian-Kazakh relations (controversial problems). Mutual relations of the peoples of Russia, Siberia and Eastern countries: history and modernity. Reports of the Second International Scientific and Practical Conference August 11–14, 1997, Book. 1. Moscow-Irkutsk-Gegu, 1997, pp. 141–150. (In Russian)
41. Sultanov T. I. Raised on a white kosm. Khans of the Kazakh steppes. Astana: Astana Damu-21 LLP, 2006. 256 p. (In Russian)
42. Sultanov T.I. Kazakhs. Fate of the people and fate of the country in the Middle Ages. Almaty: Dyke-Press, 2020. 344 p. (In Russian)
43. Trepavlov V.V. "White Tsar": the image of the monarch and notions of subjection among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2007. 255 p. (In Russian)
44. Trepavlov V.V., Belyakov A. V. *Siberian tsarevichi in the history of Russia*. St. Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2018. 496 p. (In Russian)
45. Trepavlov V.V. Shibany: Failed ethnonym. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 351–371. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371> (In Russian)
46. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Quadriga, 2020. 1040 p. (In Russian)

47. Utemish-hajji. Kara tavarikh. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova, Z.T. Hafizov; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova; general and scientific editing by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

48. Textbook on the history of the USSR 16th–17th centuries. Moscow: Sotsekgiz, 1962, 751 p. (In Russian)

49. Shah-Mahmud Churas Chronicle. St. Petersburg: The Linguistic Society of St. Petersburg, 2010. 496 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Сергеевич Лапин – кандидат исторических наук, доцент, руководитель программы, Научный институт изучения Улуса Джучи Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (01000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0001-6459-7676. E-mail: lapin.79@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay S. Lapin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Scientific program Director, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Pushkin Str., 15B, Astana 01000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-6459-7676. E-mail: lapin.79@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 30.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 22.07.2024

Принята к публикации / Accepted 29.08.2024